

Глаголев С. С. Религия, как предмет исторического и философского изучения: [Рец. на: Мензис А. История религии / Пер. с англ. М. Чепинской. СПб., 1897] // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 5. С. 286–303 (3-я пагин.). (Начало.)

Религія, какъ предметъ историческаго и философскаго изученія.

**Мензисъ. Исторія религіи. Переводъ съ англійскаго
М. Чепинской. 1897.**

Религія есть историческій фактъ и психологическая проблема. Какъ психологическая проблема, она издавна привлекала вниманіе философовъ, но, какъ фактъ, она очень недавно сдѣлалась предметомъ усердныхъ изысканій историковъ. Давно люди говорили и спорили о той таинственной загадкѣ, которая называется религіозною вѣрой, но только недавно стали внимательно изучать тѣ внѣшніе знаки — предметы и письмена, которые у различныхъ народовъ и въ разное время являлись выраженіемъ этой вѣры. Дѣло этого изученія является по нашему мнѣнію однимъ изъ великихъ дѣлъ оканчивающагося XIX столѣтія. Люди XIX столѣтія много говорили и говорятъ о своихъ открытіяхъ и завоеваніяхъ въ области различныхъ наукъ, особенно въ области естествознанія, нѣкоторые даже предлагали намъ вѣкъ назвать вѣкомъ естествознанія, но если широкія общенія и многообъщающія гипотезы XIX вѣка поражаютъ своимъ внѣшнимъ блескомъ и грандіозностію, то открытія и изслѣдованія въ области исторіи религій представляютъ собою важный фундаментъ для будущихъ философскихъ построений, сокрушающій многія изъ прежнихъ многовѣковыхъ атеистическихъ и матеріалистическихъ философскихъ убѣжденій, и людямъ всею душою и сердцемъ ищущимъ истины указываютъ къ ней истинный путь.

Религія не есть приобрѣтеніе новаго времени, она есть наслѣдство полученное отъ древнихъ, но по мѣрѣ того, какъ изъ поколѣнія въ поколѣніе это драгоценное наслѣдство передавалось отъ предковъ къ потомкамъ, оно расте-

ривалось, уменьшалось, драгоцѣнное въ немъ подмѣнялось фальшивымъ, — все равно какъ въ сказкѣ Натана о чудодѣйственномъ перстнѣ. Чѣмъ же была религія изначала и чѣмъ она должна быть? Для рѣшенія этого вопроса людямъ вѣрующимъ всегда было достаточно Библии, но для людей, не хотѣвшихъ довѣряться священнымъ еврейскимъ и христіанскимъ книгамъ, до самаго начала XIX вѣка открывался широкой произволъ въ построеніи фантастическихъ гипотезъ о происхожденіи и историческомъ ходѣ религіознаго развитія человѣчества. Пелѣныя гипотезы и странныя фантазіи продолжаютъ возникать и теперь, но никогда не имѣвшія ничего *за себя*, эти гипотезы и фантазіи теперь въ научныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ нашего вѣка имѣютъ много *противъ себя*. О религіи ассиро-вавилонянъ и Египта, религіяхъ Индіи, Персіи и Китая до XIX столѣтія судили вкривъ и вкосъ на основаніи сомнительныхъ и немногочисленныхъ источниковъ. Съ китайской религіей европейцы сравнительно были знакомы болѣе, китайскій языкъ былъ извѣстенъ и еще въ прошедшемъ столѣтіи въ Европѣ уже появлялись переводы съ китайскаго (наприм., лѣтонисъ Тунь-цзянь-ган-му была переведена на французскій языкъ іезуитомъ де Моуриасъ de Mailla), по языкъ ведъ и авесты, клинообразныхъ надписей и книги мертвыхъ (равно какъ и сама книга мертвыхъ) были на самомъ дѣлѣ мертвыми, т. е. ничего не говорящими, для ученыхъ. Только въ концѣ XVIII столѣтія Анкетиль Дюперронъ (ум. въ 1805 г.) опубликовалъ переводъ Зендъ-Авесты на французскомъ языкѣ, переводъ очень несовершенный, но который уже легко было улучшить; въ 1802 году Гротефендъ совершилъ гениальное открытіе чтенія клинообразныхъ надписей, и тайны религіознаго изученія асирійянъ и вавилонянъ сдѣлались доступными изслѣдованію современнаго человѣчества, въ 1805 г. Кольбрукъ (Colebrook) сдѣлалъ первое сообщеніе о ведахъ, одновременно съ Гротефендомъ шведъ Акербладъ догадался о томъ ключѣ, который ведетъ къ открытію тайнъ египтологіи, а въ концѣ 30-хъ годовъ Шампольонъ младшій далъ уже основательную египетскую грамматику. Такъ на самой зарѣ XIX столѣтія ученымъ открылся доступъ къ изслѣдованію религіи древняго міра, сначала они не особенно усердно пользовались возможностью представившагося изучо-

нія, и до половины столѣтія имена ученыхъ, занимавшихся этимъ дѣломъ, были немногочисленны, но со второй половины вѣка интересъ къ дѣлу сталъ быстро возрастать, число изслѣдователей, а вмѣстѣ и открытій стало увеличиваться, въ самомъ обществѣ явился интересъ къ вопросу о религіяхъ міра и ихъ исторіи, публичныя лекціи и популярныя книги служатъ доказательствомъ этого, наконецъ и въ Россіи стали обнаруживаться признаки этого интереса, объ этомъ свидѣлствуютъ и переводъ на русскій языкъ книги Мензиса, нѣкоторыя замѣчанія по поводу каковой книги и размышленія вызванныя ею переводомъ на русскій языкъ мы и желаемъ предложить вниманію читателей.

I.

Книга Мензиса заключаетъ въ себѣ IV+336 страницъ малаго формата. Она содержитъ въ себѣ философію и исторію религіи и нѣчто такое, чего нельзя назвать ни тѣмъ, ни другимъ именемъ. Религію Мензисъ опредѣляетъ, какъ „поклоненіе невидимымъ силамъ, проистекающее изъ чувства неудовлетворенности (стр. 9)“, развитіе религіи, по его взгляду, идетъ рука объ руку съ движеніемъ цивилизаціи“ (стр. 11). Все человѣчество первоначально пережило періодъ дикости и первоначальною религіозною формою его было поклоненіе природѣ. Это поклоненіе природѣ имѣло своимъ источникомъ иллюзію, въ силу которой человѣкъ истолковывалъ природу по аналогіи съ самимъ собою. Вслѣдъ за общими разсужденіями объ источникѣ религіи и ея первоначальныхъ формахъ Мензисъ пытается въ своей книгѣ представить историческія судьбы религіи въ самое первое время существованія человѣчества, это и есть тотъ отдѣлъ въ его книгѣ, который нельзя назвать ни исторіей, ни философіей, есть только одинъ историческій источникъ говорящій объ этомъ времени — Библія, но Мензисъ отрицаетъ историческій характеръ ея повѣствованій, по повѣствованіямъ другихъ народовъ о первыхъ временахъ не вѣритъ никто, такимъ образомъ свѣдѣній объ исторіи перваго времени у Мензиса не оказывается и однако на основаніи нѣкоторыхъ аналогій и соображеній онъ построитъ исторію этого времени; очевидно, что такое построеніе не

можетъ быть названо ни исторіей, ни философій. Вслѣдъ за этимъ отдѣломъ у Мензиса начинается дѣйствительная исторія религіи. Древнѣйшей религіей міра онъ считаетъ вавилонскую, египетскую религію онъ производитъ отъ вавилонской. Мы не будемъ подробно излагать его историческихъ повѣствованій, его книга — хотя и проникнута опредѣленною тенденціею—въ этомъ отношеніи сильно смахиваетъ на наши — часто не имѣющіе за собою никакой тенденціи—историческіе учебники для среднихъ школъ, его изложеніе очень обще, основаній для своихъ утвержденій онъ почти не приводитъ, его тонъ въ общемъ догматиченъ, свои философскія убѣжденія онъ, очевидно, считаетъ несомнѣнною истиною, но при изложеніи отдѣльныхъ фактовъ у него слышится неувѣренность—одно изъ немногихъ качествъ, которое по нашему мнѣнію ему можно вмѣнить въ достоинство.

Посвятивъ первую часть своей книги (1—71 стр.) разсужденію о первоначальной религіи міра, Мензисъ остальное содержаніе книги дѣлитъ на четыре части (2—5 ч.ч.), во второй говоритъ объ отдѣльныхъ національныхъ религіяхъ: ассиро-вавилонской, китайской и древнеегипетской, въ третьей онъ говоритъ о религіи семитической группы народовъ, причѣмъ наибольшее мѣсто отводитъ израиллю и затѣмъ исламу, четвертая часть посвящается имъ религіямъ арійцевъ (о религіи славянъ не говоритъ), наконецъ, въ пятой онъ разсуждаетъ о христіанствѣ. Подобно М. Мюллеру и нѣкоторымъ другимъ изслѣдователямъ онъ признаетъ относительную истинность за всеми религіями, но онъ не считаетъ ихъ равными по достоинству между собою, къ чему склонны нѣкоторые: онъ не сочувствуетъ китайской религіи, высоко ставитъ христіанскую и мечтаетъ о религіи будущаго болѣе совершенной, чѣмъ христіанство.

Книга Мензиса найдетъ читателей, но нужно ли радоваться за этихъ читателей? Мы думаемъ: нѣтъ. Въ книгѣ встрѣчаются противорѣчія, ошибки, основныя представленія и положенія автора совершенно чужды православному читателю и колеблющагося и легкомысленнаго читателя скорѣе отвѣдутъ отъ истины, чѣмъ приведутъ къ ней. Въ началѣ книги Мензисъ причину возникновенія религіи указываетъ въ истолкованіи дикаремъ природы по аналогіи съ самымъ со-

бою и въ сознаниіи имъ своей безпомощности, а въ концѣ книги онъ пишетъ слѣдующее: „по мѣрѣ того, какъ все большее и большее число людей сначала освобождается отъ тяжкихъ пуждъ и заботъ, а потомъ отъ низменныхъ и матеріалистическихъ взглядовъ, духовная природа ихъ развертывается. Потребность въ самомъ Богѣ, а не только въ дарахъ Его, возникаетъ и усиливается въ ихъ сердцахъ, и они становятся способными къ той высочайшей религіи, которая можетъ быть названа жизнью души вмѣстѣ съ Богомъ; они начинаютъ чувствовать прелесть этой жизни и утолять духовную жажду изъ заключенныхъ въ ней глубокихъ источниковъ силы и мира“ (стр. 336). Изъ этихъ словъ его мы видимъ, что онъ считаетъ религію законнѣйшею и благородною потребностью человѣческаго духа, между тѣмъ какъ въ началѣ она является у него результатомъ ошибочной аналогіи. Корни религіи въ началѣ и концѣ книги онъ указываетъ совершенно различныя: въ началѣ религія является продуктомъ невѣжества, въ концѣ — результатомъ высшаго развитія. Здѣсь у Мензиса открывае тся неясность, которая проходитъ чрезъ всю его книгу. Во всякой религіи человѣкъ стремится вступать въ общеніе съ Богомъ, отвѣчаетъ ли Богъ этому стремленію и, если отвѣчаетъ, то какъ? Вся книга Мензиса даетъ основанія для отрицательнаго отвѣта, онъ пытается представить религію, какъ продуктъ исключительно человѣческой дѣятельности, онъ нигдѣ не говоритъ о сверхъестественномъ откровеніи, объ общеніи человѣка съ Богомъ, но приведенныя нами его слова, равно какъ и слова, которыми онъ заканчиваетъ книгу, утверждаютъ противное. „Не безъ божественнаго призыва, заключаетъ Мензисъ, не безъ божественнаго руководства, человѣкъ такъ рано выступилъ на поиски Бога и такъ неуклонно (?) шелъ по этому пути, не смотря на всѣ свои разочарованія“ (?).

Не трудно понять это противорѣчіе въ сужденіяхъ Мензиса о религіи: непосредственное религиозное чувство и впечатлѣнія вынесенныя изъ изученія—хотя и довольно поверхностнаго — религиозныхъ формъ и фактовъ внушили Мензису убѣжденіе, что религія—не фикція, что она есть высшая потребность духа, но методъ изученія религій, которому по примѣру другихъ слѣдовалъ Мензисъ, заключался

въ томъ, чтобы истолковать явленіе во всей его полнотѣ изъ естественныхъ причинъ доступныхъ непосредственному наблюденію и изслѣдованію человѣка. Отсюда несогласованность въ сужденіяхъ о религіи, проходящая чрезъ всю книгу Мензиса.

Пробнымъ камнемъ для оцѣнки книгъ по исторіи религій въ значительной мѣрѣ можетъ служить отношеніе автора къ вопросу о первоначальной формѣ религіи. Историкъ, много занимавшійся изслѣдованіемъ древнѣйшихъ извѣстныхъ религій, конечно, всегда будетъ остороженъ при разсужденіи о томъ, развитіемъ какого зерна являются эти религіи и, конечно, онъ будетъ пытаться отыскивать это зерно въ древнѣйшихъ религіозныхъ памятникахъ чрезъ разложеніе ихъ на элементы древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія. Но человѣкъ мало потрудившійся надъ изученіемъ религіозной мысли легко можетъ предположить, и такъ предполагали уже многіе, что вопросъ о первоначальныхъ формахъ религіи вовсе не труденъ и что для рѣшенія его нѣтъ нужды дѣлать попытки проникнуть умственнымъ взоромъ въ глубь прошедшихъ вѣковъ и пролить свѣтъ въ окутывающей ихъ мракъ,—нѣтъ, вопросъ, по представленію такого лица, можетъ быть рѣшенъ путемъ умозрѣнія или, такъ какъ теперь умозрѣніе въ меньшемъ почетѣ, чѣмъ наблюденіе и опытъ—путемъ какихъ-нибудь наблюденій надъ современною жизнію. Къ несчастію для Мензиса онъ становится на сторону эгого втораго взгляда. Вѣрованія современныхъ дикарей служатъ у него ключемъ для пониманія вѣрваній первобытнаго человечества. Скупой на цитаты, онъ усердно ссылается на Спенсера, Тэйлора, Леббока и при помощи книгъ этихъ авторовъ объясняетъ, какую религію и какой культъ имѣли наши отдаленнѣйшіе предки. Но названные авторы во 1) совсѣмъ не изучали религіи, какъ историческаго факта, и особенно религій древняго міра, конечно, наиболѣе приближавшихся съ первоначальной религіи, во 2) не изучали они и современныхъ дикарей. Они читали только книги, содержащія описанія послѣднихъ и извлекали изъ этихъ книгъ сообщенія подтверждающія ихъ предвзятыя теоріи. Обращаться къ этимъ лицамъ за рѣшеніемъ вопроса о первоначальной формѣ религіи все равно, что обращаться къ нянькамъ хорошо знающимъ, какъ дѣти строятъ свои

домики и шалашники, съ просьбою объяснить, какъ были построены египетскія пирамиды. Но Мензисъ смотритъ па дѣло иначе. Если онъ не всегда и не всецѣло слѣдуетъ за названными авторами, то онъ всегда слѣдуетъ ихъ методу: современные дикари, случайные отрывки изъ разныхъ литературныхъ памятниковъ приносятся имъ смѣло въ доказательство, что вѣрованія первочеловѣчества были такими то и такими то. За то важные источники, говорящіе о вѣрованіяхъ народовъ, оказываются ему неизвѣстными. Укажемъ два примѣра этого. На страницахъ 59—67 Мензисъ разсуждаетъ о томъ, какъ изъ племенныхъ религій возникли религіи національныя. Онъ указываетъ, что этотъ переходъ между прочимъ можно прослѣдить въ Перу и даетъ на 66—67 стр. характеристику религіи инковъ — обитателей Перу. Характеристику эту онъ предлагаетъ на основаніи царскихъ комментаріевъ инковъ, напечатанныхъ Горчилазо де ла Вега. Безспорно, что *Commentarios Reales de los Incas*—чрезвычайно важный источникъ для сужденія о религіи инковъ, но онъ — источникъ не единственный и несомнѣнно содержащій много ошибокъ. Странно, какимъ образомъ Мензисъ счумѣлъ не знать *Relation de las costumbres antiguas de los naturales del Peru* Anonimo, изданную въ Мадридѣ въ 1879 г. Авторъ этого важнаго документа неизвѣстенъ (несомнѣнно только, что онъ былъ іезуитъ), но его документъ дополняетъ во многомъ книгу Горчилазо и освѣщаетъ многое новымъ свѣтомъ, онъ показываетъ, что въ вѣрованіяхъ и религіозномъ служеніи перуанцевъ было много высокаго. Мензиса приводятъ въ смущеніе извѣстія испанскихъ писателей о человѣческихъ жертвахъ у инковъ, но онъ могъ бы узнать, что въ описываемую Горчилазо эпоху такихъ жертвъ не было, а были обряды, представлявшіе принесеніе такихъ жертвъ (вмѣсто юношей и дѣвицъ въ землю закапывались чучела). Другой еще болѣе разительный примѣръ незнанія Мензисомъ нужныхъ для его цѣли источниковъ представляетъ его разсужденіе о камняхъ пользовавшихся священнымъ значеніемъ. Обогащеніе камней, пишетъ онъ, по искусственно обработанныхъ, а считающихся священными въ той формѣ, въ какой они были найдены, было весьма распространено среди первобытнымъ народовъ, но объ этомъ предметѣ до

сихъ поръ еще весьма мало извѣстно. Меккская Кааба и камень въ храмѣ Діаны Эфесской—отдѣльные знаменитые примѣры этого культа; но полагають, что предметами подобнаго культа были стоящіе камни или менгиры, встрѣчающіеся по всей Европѣ, а также на югѣ и западѣ Азіи. Въ Палестинѣ такихъ камней не находили, хотя они попадаются въ сосѣднихъ странахъ; и Кондеръ приписываетъ это ревности правовѣрныхъ царей, которые, какъ извѣстно изъ Библии, разрушили на своей землѣ всѣ памятники идолопоклонства“ (44 стр.). Но какъ невѣрно то, что камни, за которыми можно предполагать священное значеніе, находились во всей Европѣ, такъ точно также невѣрно, что ихъ не находили въ Палестинѣ; ихъ тамъ находили и не мало, объ этомъ Мензисъ могъ узнать хотя бы изъ капитальной книги Фергюссона „Rude stone Monuments“ (London 1872). Затѣмъ о томъ, что такіе памятники дѣйствительно нѣкогда существовали и даже сами евреи не признавали за ними языческаго характера, Мензисъ могъ бы узнать непосредственно изъ Библии (особенно изъ книги Иисуса Навина IV, 20—24).

Все разсужденіе Мензиса о первобытной религіи основывается на предвзятыхъ идеяхъ. Не будемъ его упрекать за это, и историкъ, держащійся библейскаго взгляда на развитіе религіи, конечно, руководится ими, но вотъ, что заслуживаетъ упрека: Мензисъ не постарался провѣрить своихъ идей фактами, онъ не ознакомился хорошо не только съ тѣми источниками, которые ему были дѣйствительно нужны, но и съ тѣми, которые онъ самъ считалъ нужными. Для рѣшенія вопроса о перворелигіи онъ обращается къ этнографіи, но онъ на самомъ дѣлѣ не изучаетъ ея данныхъ, а вѣритъ сообщеніямъ Спенсера и Тайлора и въслѣдствіе этого гипотезы смѣшиваетъ съ фактами. Такъ, онъ пишетъ: „этнологи утверждаютъ, что всѣ населенныя страны были нѣкогда обитаемы дикарями; и вездѣ каменный вѣкъ предшествовалъ металлическому. Всякой цивилизаціи, возникшей на землѣ, предшествовалъ темный періодъ пещерныхъ жилищей, а затѣмъ обитателей свайныхъ построекъ“ (стр. 12). Дѣйствительно, по общему мнѣнію въ жизни человѣчества былъ періодъ, когда оно не употребляло металловъ, но чтобы это мнѣніе было доказаннымъ

фактомъ, это—неправда: въ тѣхъ странахъ, гдѣ возникли древнѣйшія цивилизаціи—Ассири-Вавилонія, Западная Азія, Египетъ—мы находимъ прямо вѣкъ металлическій и не сохранилось даже преданій ни о каменномъ вѣкѣ, ни объ открытіи металловъ (разумѣемъ: преданій ясныхъ—см. Быт. IV, 22). Съ другой стороны несомнѣнно, что нѣкоторыя племена, эмигрировавшія въ страны съ не благоприятными условіями, перешли отъ употребленія металловъ къ употребленію камня и совсѣмъ забыли о первыхъ (таковы переселенцы на острова Самоа и Буру). Точно также свидѣтельства этнологів даюто не всѣ направляются въ пользу взгляда Мензиса на ходъ религіознаго развитія человѣчества. Современные дикари, по воззрѣнію Мензиса, представляютъ собою остатокъ первобытнаго человѣчества, но нѣкоторые этнологи находятъ у нихъ слѣды высокихъ религіозныхъ вѣрованій. Идею единобожія или даже прямо единобожіе находятъ у многихъ дикихъ племенъ. Полагаютъ, что Юбманъ и Нутъ донарей и самоѣдовъ соотвѣтствуютъ будто бы нѣкогда почитавшемуся у китайцевъ единому Богу—Шанг-ти, камчадалы имѣли бога Кутка, Даяки—бога Тана, готтентоты—Гунэка Тиккоа, негры Башанены—Муліло, Бассутосы—Морена, австрійцы—Содана, Мологана, Пуниримаула, на Танти находятъ Таороа, въ Сѣверной Америкѣ у эскимосовъ—Торигаріукъ, у альгонкинцевъ—Мишабу, у ирокезовъ—Агрескусь, въ Южной Америкѣ у Гуаресовъ—Тамои. Можно значительно продолжить этотъ перечень. Затѣмъ Мензисъ отрицаетъ существованіе чистой нравственности въ сердцахъ у дикарей, но факты этнологів свидѣтельствуютъ, что есть дикари, стоящіе очень высоко въ нравственномъ отношеніи. Курубары, санталы, суры, маріасы, лепхи, будо, диманы представляютъ собою общества людей изумительно высокой честности; ихъ правдивость, преданность, доброта, уваженіе къ чужой собственности засвидѣтельствованы многими компетентными наблюдателями. Назовемъ въ ряду ихъ Уоллеса. Скажутъ, что всѣ подобные факты могутъ оказаться и не въ противорѣчій съ теоріею принимаемою Мензисомъ и допускаютъ объясненіе съ точки зрѣнія этой теоріи. Пусть такъ, но Мензисъ долженъ бы былъ оговорить ихъ и показать, что они не ко-

леблять его взглядовъ, вмѣсто этого онъ тщательно ихъ замалчиваетъ.

Вопросъ о первобытныхъ вѣрованіяхъ даетъ много пищи легкомысленной фантазіи, но для рѣшенія его серьезная научная мысль имѣетъ мало матеріала, однако кромѣ тенденціозныхъ фантастическихъ рѣшеній и плохо обоснованныхъ научныхъ гипотезъ онъ можетъ находить отвѣтъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ человѣчества. Научныя гипотезы, которыя впрочемъ трудно разграничить отъ ненаучныхъ фантазій, представляютъ дикаря обыкновенно скотомъ (эволюціонисты), предвзятая философская мысль не такъ давно представляла его ангеломъ (Руссо), были попытки и совмѣстить скотство съ ангелоподобіемъ, но проще и естественнѣе видѣть въ дикарѣ подобнаго намъ человѣка. Намъ кажется, что правильный взглядъ на дикаря высказанъ и высканъ съ гениальною правдивостію великимъ борцомъ за освобожденіе негровъ—Лонгфелло. Вотъ, что говоритъ онъ въ предисловіи къ своей поэмѣ о Гайаватѣ — этой американской Эддѣ.

Вы, въ чьемъ сердцѣ сохранилась
Вѣра въ Бога и природу,
Сохранилось убѣжденье,
Что во всѣ вѣка повсюду
Человѣкъ былъ человѣкомъ;
Что въ сердцахъ у первобытныхъ
Дикарей трепещутъ тоже
И желанья и стремленья
И тоскливые порывы
Къ непостигнутому благу;
Что безпомощныя руки,
Шаря ощупью во мракѣ,
Руку Божію находятъ
Выводящую ихъ къ свѣту,
Васъ прошу теперь послушать
Эту пѣснь о Гайаватѣ.

Мы, конечно, не можемъ теперь заняться пѣснью о Гайаватѣ, но намъ важенъ взглядъ на дикаря, высказанный поэтомъ, близко знавшимъ дикарей, всю жизнь борющимся своимъ сильнымъ словомъ за освобожденіе негровъ и глу-

боко тосковавшимъ о вымираніи индійцевъ. Въ вопросѣ о первобытныхъ вѣрованіяхъ человѣчества ученые грѣшатъ двумя ошибками: во 1) они истолковываютъ первобытныхъ людей по аналогіи съ современными дикарями. Этотъ приемъ, какъ бы онъ ни былъ распространенъ, не можетъ быть признанъ правильнымъ: дикарь во всякомъ случаѣ ниже первобытнаго человѣка, современный дикарь — типъ дегенераціонный, отъ него не произойдетъ ни Платона, ни Фиди, онъ — вырождающійся человѣкъ, а не поднимающееся до человѣка животное, во 2) въ этомъ дикарѣ вездѣ, гдѣ онъ былъ изученъ дѣйствительно, находили тлѣніе божественной искры, мерцаніе которой исчезнетъ лишь со смертію самыхъ дикихъ племенъ, хотя мерцаніе тусклое, которое можетъ замѣтить только глубокой и незакрытой дымкою предубѣжденія взглядъ.

Въ виду изложеннаго вся первая часть книги Мензиса, трактующая о первоначальной религіи человѣчества, по нашему мнѣнію, рѣшительно не имѣетъ никакого значенія. Мензисъ излагаетъ гипотезы нѣкоторыхъ ученыхъ о первоначальной религіи, но онъ излагаетъ ихъ такъ обще и поверхностно, что читатель его книги не можетъ составить себѣ о нихъ мало-мальски яснаго и отчетливаго представленія. Мензисъ развиваетъ свой взглядъ на доисторическую религію, но какую цѣну можетъ имѣть этомъ взглядъ, если въ изложеніи вездѣ замѣчается незнакомство автора съ тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго только и можно судить о предметѣ? Но если авторъ не знаетъ того, что ему слѣдовало бы знать, то, напротивъ, русскіе читатели давно знаютъ то, чему поучаетъ ихъ авторъ. Спенсеръ, Тайлоръ, Леббокъ, компилятивныя статьи написанныя въ ихъ духѣ (но не въ ихъ силѣ) пользуются широкою распространенностію въ Россіи. Мензисъ въ своемъ разсужденіи о первобытныхъ вѣрованіяхъ только повторяетъ и притомъ очень немного изъ сказаннаго ими. Но въ этомъ не чувствовалось нужды и трактатъ о доисторической религіи могъ бы быть выпущенъ изъ книги Мензиса безъ всякаго ущерба; посмотримъ теперь, насколько цѣнно то, что онъ сообщаетъ объ историческихъ религіяхъ.

Вторая часть его книги посвящена религіи Вавилона и Ассиріи, Китая и древняго Египта. Онъ не указываетъ,

чѣмъ различались между собою въ религіозныхъ воззрѣніяхъ ассиріяне и вавилоняне, только замѣчаетъ, что главнымъ Богомъ въ Вавилонѣ былъ Меродахъ, а въ Ассиріи—Ассуръ. Это не совсѣмъ точно. Ассуръ всегда былъ главнымъ богомъ ассирійцевъ и имѣлъ, такъ сказать, свою особую фізіономію, которой не имѣлъ ни одинъ изъ боговъ Вавилона и которая заставляеть нѣкоторыхъ ученыхъ сближать его съ Агура-Маздой персовъ. По Меродахъ возвысился изъ второстепенныхъ боговъ Вавилоніи вмѣстѣ съ возвышеніемъ Вавилона и отождествился съ Бѣломъ, въ эпоху господства Ура Синъ почитался болѣе, чѣмъ Меродахъ. Мензисъ не обращаетъ вниманія на различіе характера вавилонянъ и ассирійянъ, изъ каковаго различія естественно должны были вытекать особенности религіи того и другаго народа: по своему духовному складу вавилоняне болѣе походили на грековъ, а ассиріяне на римлянъ. Мензисъ ничего не говоритъ о вѣрованіяхъ вавилонянъ въ загробную жизнь и объ ихъ погребальномъ культѣ, между тѣмъ изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ прожили въ эту область много свѣта. Онъ говоритъ о молитвахъ частныхъ вавилонянъ, но на самомъ дѣлѣ была ли у нихъ молитва? Многие ученые отрицають это и полагають, что у нихъ были только заговоры. Недавно опубликованъ повопереведенный покаянный вавилонскій псаломъ, который можно представить, какъ образецъ псалмовъ Халдеи. „О боже мухтабарру мутану (милосердый, дающій жизнь людямъ), говоритъ произносящій псаломъ, скорый помощникъ, славный, разрушающій очарованіе, блестящій, духъ въ людяхъ, я, Шамаш-Шамукинъ, служитель своего Бога, твой служитель стонеть, вздыхаетъ, онъ удрученъ, великая скорбь, лихорадка, пораженіе и утѣшеніе отъ твоей божественности, гибельная болѣзнь, злое настроеніе объемлють мое тѣло, злая болѣзнь, утѣшеніе обитають во мнѣ; прикованный къ ложу скорбей я зываю къ тебѣ, къ Богу вѣдомому и невѣдомому, я совершалъ грѣхи, я возбуждалъ мятежи, меня объемлетъ страхъ, я боюсь взгляда твоего божества, твоего величія, да будутъ слезы моихъ рыданій тебѣ пріятными, да истощится гнѣвъ твоего сердца. Твое возвращеніе есть благо, твое утѣшеніе свѣтоносно. Да будетъ поизмѣримымъ твое милосердіе, пусть оно низойдетъ къ твоему служителю

Шамаш-Шумухинъ—силою моихъ пѣсенъ, я прославлю твое божество“. Выраженіе *силою моихъ пѣсенъ* заставляетъ думать, что псаломъ представляетъ собою заговоръ, а не молитву.

О религіи Китая Мензисъ даетъ два противорѣчивые отзывы. На страницѣ 84-й онъ пишетъ: „такая своеобразная (конфуціанская) религія не могла бы возникнуть и такъ безслѣдно заглушить болѣе древнія формы вѣры, не могла бы просуществовать такое долгое время, если бы не выражала духъ народа самымъ удовлетворительнымъ и безусловнымъ образомъ“. А на страницѣ 94-й читаемъ: „какъ бы то ни было, остается вѣрнымъ то, что въ Китаѣ нѣтъ религіи достойной этого названія. Тамъ можно видѣть странное явленіе, что существуютъ рядомъ три религіи (конфуціанство, буддизмъ, даосизмъ), которыя все поддерживаются государствомъ и уживаются безъ соперничества; притомъ же человѣкъ можетъ одновременно принадлежать ко всемъ тремъ религіямъ. Этого не могло бы быть, если бы какая-нибудь изъ трехъ сильно взывала — къ патриотическому чувству или вполне выражала-бы идею націи“. Малосодержательный очеркъ лишаетъ читателя возможности рѣшить, какой изъ этихъ двухъ отзывовъ болѣе справедливъ. Да и этотъ малосодержательный очеркъ страдаетъ неточностями. Предметы обоготворенія въ китайской религіи Мензисъ дѣлитъ на три класса: 1) небо, 2) различные духи, 3) духи предковъ. Но кромѣ неба китайцы почитаютъ еще и землю; небо называется „повелителемъ и владыкою міра“ точно также и земля носитъ имя „повелительницы“ и „императрицы“ (такъ называется она въ шу-кингъ). Правда, въ собственномъ смыслѣ, какъ дѣятельное начало, китайцами почитается лишь небо, но и землю нельзя изгонять изъ бѣднаго и безжизненнаго китайскаго пантеона.

Очеркъ Мензиса о египетской религіи является не справедливымъ, неточнымъ и очень неполнымъ. Мензисъ не совсемъ справедливъ въ оцѣнкѣ египетской морали, она выше, чѣмъ онъ представляетъ. „По большей части книга мертвыхъ, пишетъ онъ, находится на болѣе первобытной ступени, когда человѣкъ не сомнѣвается въ мѣстности своего божества и увѣренъ, что поборетъ все враждебное, имѣя наготовѣ извѣстныя магическія дѣйствія, а не чистое сердце.

Но въ нѣкоторыхъ главахъ слышатся болѣе глубокія ноты. Есть формула для того, чтобы смыть пятно съ сердца Озириса, и если существуютъ различные способы для внѣшняго очищенія, то есть средства и для того, чтобы были забыты его грѣхи“. Мензисъ указываетъ на 125 главу книги мертвыхъ, гдѣ развиваются сравнительно болѣе высокія нравственныя требованія. Умершій предъ судомъ Озириса говоритъ: „я не краль, не лицемѣрилъ, я не краль вещей, принадлежащихъ богамъ, не участвовалъ въ заговорахъ, я не богохульствовалъ, не обрѣзалъ шерсти священныхъ животныхъ, я не оскорблялъ боговъ, не клеветалъ на раба передъ его господиномъ“ и т. д. Еще не проведено определенной черты между нравственнымъ и обрядовымъ или условнымъ преступленіемъ; нравственныя обязанности выражены въ отрицательной формѣ и являются оковами, а не внушеніемъ сердца. Но здѣсь сдѣланъ великій шагъ впередъ указаніемъ на то, что божественный законъ слѣдуетъ не только за религиозными дѣлами, но и за дѣлами общественными и даже за мыслями отдѣльныхъ личностей“. Древнѣйшіе тексты книги мертвыхъ относятся къ XI-й династїи, но уже раньше этого времени, скажемъ мы Мензису, мы встрѣчаемъ въ египетскихъ памятникахъ высокія нравственныя истины. Одинъ важный сановникъ, бывший при царяхъ пятой династїи, говоритъ (на своемъ надгробномъ памятникѣ)“: познавши вещи, я вышелъ изъ этого мѣста (т. е. изъ міра), гдѣ я говорилъ истину и творилъ справедливость. Будьте добры ко мнѣ, Вы идущіе вслѣдъ за мною, засвидѣтельствуйте о Вашемъ предкѣ: онъ дѣлалъ добро, о еслибы и мы могли поступать также! Пусть говорятъ это идущіе вслѣдъ за мною. Никогда я не возбуждалъ скорби, никогда не убивалъ. О Владыка неба, могущественный владыка вселенной, я въ мірѣ исполнялъ мои обязанности, любя своего отца и свою мать, служа всякому, я былъ радостью своихъ братьевъ, любовью своихъ слугъ, въ которыхъ я никогда не возбуждалъ сожалѣнія“. Въ луврскомъ папирусѣ демотическаго письма, прочитанномъ Піэрэ, неизвѣстный авторъ излагаетъ слѣдующія нравственныя правила: „не дѣлай своимъ товарищемъ злого человѣка“, „не дѣйствуй по совѣтамъ глупца“, „не имѣй дѣла съ безумнымъ, не слушай его словъ“. „Не развращай сердца твоего това-

рица, если оно чисто“ „Не обращай дурно съ низшими, уважай старшихъ, не обращай дурно съ женщиною, силы которой меньше твоихъ, пусть она найдетъ въ тебѣ своего покровителя, не заставляй страдать ребенка по причинѣ его слабости, помогай ему. не дѣлай развлеченія, забавляясь надъ тѣми, кто зависитъ отъ тебя“. Въ самомъ послѣднемъ изреченіи авторъ достигаетъ замѣчательной нравственной высоты; „никогда, говоритъ онъ, не спасай свою жизнь цѣною жизни другаго“.

Если Мензисъ въ вопросахъ морали представилъ египтянъ ниже, чѣмъ слѣдовало. то съ другой стороны относительно ихъ ученія о безсмертіи онъ умолчалъ, что оно не всегда стояло высоко и что съ теченіемъ времени вѣру въ безсмертіе все болѣе и болѣе подрывалъ скептицизмъ. „О мой братъ, мой другъ, мой мужъ, говоритъ одна надпись на надгробномъ памятникѣ отъ лица погребенной подъ нимъ женщины, ѣшь, пей, опоражнивай кубокъ жизни, люби и празднуй праздники. Пусть всегда будутъ исполняться твои желанія и скорбь никогда не войдетъ въ твое сердце, пока ты на землѣ. Ибо Аментъ (область умершихъ) есть страна глухаго сна и мрака, жилище скорби для пребывающихъ въ немъ. Они спятъ въ своихъ безтѣлесныхъ формахъ, они не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ братьевъ, они не знаютъ болѣе ни отца, ни матери, ихъ сердце не стремится ни къ жонѣ, ни къ дѣтямъ. Каждый насыщается водою жизни, лишь я одна испытываю жажду. Вода полезна для живущихъ на землѣ; гдѣ нахожусь я, тамъ самая вода даетъ мнѣ жажду. Съ тѣхъ поръ какъ я вступила въ эту область, я не знаю, гдѣ я нахожусь. Я плачу о водѣ, которая падаетъ оттуда сверху. И скорблю о вѣтрѣ, который дуетъ на берегу рѣки и который освѣжилъ бы мое скорбное сердце. Здѣсь живетъ Богъ, имя которому совершенная смерть. Онъ призываетъ къ себѣ cadaго, и каждый идетъ къ нему, трепеща его гнѣва. Для него мало имѣютъ значенія и боги и люди, великіе и малые, всѣ кажутся равными передъ нимъ. Всякій боится обращаться къ нему съ мольбою, такъ какъ онъ никого не слушаетъ, никто не хвалитъ его, такъ какъ онъ вовсе не является благодѣтельнымъ для тѣхъ, кто его почитаетъ. Онъ не взираетъ ни на какія жертвы, которыя ему предлагаютъ“. Положимъ, этотъ вопль невѣрія

въ возмездіе относится уже къ эпохѣ птоломеевъ, но онъ идетъ изъ устъ египтянки, держащейся въ сущности древнихъ вѣрованій, это показываетъ, что блаженство въ царствѣ Озириса представлялось египтянамъ блѣднымъ и сомнительнымъ. Египетская догматика и не освѣтила его яснымъ свѣтомъ. Кромѣ отмѣченныхъ неточности и неполноты въ изложеніи ученія египтянъ о нравственности и безсмертіи Мензису можно еще поставить въ удрекъ, что при изложеніи развитія религіозныхъ вѣрованій онъ не упомянулъ о характерной попыткѣ Аменготепя IV водворить въ Египтѣ единобожіе (приблизительно за 1400 лѣтъ до Р. Х.). Попытка эта не удалась, но уже то, что она была предпринята, заставляетъ дѣлать много предположеній относительно религіознаго броженія умовъ въ Египтѣ.

Таковы непосредственно бросающіеся въ глаза неточности и пропуски у Мензиса въ его очеркѣ религіозныхъ вѣрованій ассиро-вавилонянъ, китайцевъ и египтянъ. Въ общемъ этотъ очеркъ у него все таки неизмѣримо лучше, чѣмъ его трактатъ о первобытныхъ вѣрованіяхъ. Тамъ мы созерцали ничѣмъ неуправляемый полетъ фантазіи, здѣсь мы находимъ изложеніе дѣйствительныхъ фактовъ. Читатель пріобрѣтаетъ здѣсь нефантастическія, а дѣйствительныя познанія. Правда, на 52 страницахъ отведенныхъ для этого очерка можно было бы изложить большее количество фактовъ и притомъ дающихъ основанія для болѣе правильной и точной характеристики древнихъ религій, по главнымъ образомъ приходится жалѣть о томъ, что Мензисъ пишетъ такъ, что лишаетъ возможности читателя провѣрить его, Мензисъ обыкновенно спѣшитъ дать характеристику религій и указываетъ мало основаній для своихъ характеристикъ.

Въ русскомъ переводѣ книги Мензиса не указывается пособій для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей религій, въ англійскомъ подлинникѣ такія указанія есть (мы не видѣли книги Мензиса на англійскомъ языкѣ и говоримъ со словъ статьи кн. С. Трубецкаго), хотя и немногочисленные, и нѣтъ указаній—хотя бы и краткихъ—по исторіи науки, между тѣмъ такія указанія являются весьма полезными. Восполнить недостатокъ библіографіи въ предложенномъ на русскій языкъ переводѣ книги Мензиса по-

желалъ князь Трубецкой. Давъ въ „вопросахъ философіи и психологіи ¹⁾“ чрезвычайно лестный отзывъ о книгѣ Мензиса, онъ привелъ для лицъ желающихъ заняться изученіемъ исторіи религіи списокъ нужныхъ по его мнѣнію пособій. Намъ придется не разъ возвращаться къ статьѣ князя Трубецкаго; невидно, чтобы князь Трубецкой занимался изученіемъ исторіи религіи и былъ знакомъ съ литературой по этой исторіи, но видно, что онъ выработалъ себѣ очень опредѣленный взглядъ на эту исторію и на ея изслѣдователей. По отношенію къ перво-религіи и древнѣйшимъ религіямъ онъ думаетъ, что руководителемъ въ области ихъ долженъ служить прежде всего Тайлоръ, и что русскихъ книгъ трактующихъ объ этомъ предметѣ и маломальски заслуживающихъ вниманія не существуетъ. О другихъ сужденіяхъ и указаніяхъ князя Трубецкаго мы скажемъ ниже, но объ этомъ слѣдуетъ сказать теперь. Прежде всего, мы думаемъ, позволительно было бы желать, чтобы руководитель былъ хотя немного знакомъ съ тѣмъ, въ чемъ хочетъ руководить. Но знаетъ ли князь Трубецкой о томъ, что кромѣ теоріи первоначальной дикости человѣчества существуютъ въ современной наукѣ и иные взгляды на перво-человѣчество и религію первоначальныхъ человѣческихъ племенъ? Князь Трубецкой можетъ не раздѣлять этихъ взглядовъ, это-его дѣло, но онъ былъ обязанъ указать начинающимъ, гдѣ они могутъ познакомиться съ ними. Если-бы князь Трубецкой дѣйствительно читалъ усердно рекомендуемую имъ книгу Шантепи-де-ла-Соссэ, то онъ нашелъ бы тамъ въ началѣ разсужденіе о нѣкой теоріи дѣтскаго возраста человѣчества, теорія эта усердно защищается нѣкоторыми консервативными протестантами (наприм., Цокклеромъ) и въ измѣненномъ видѣ предлагается и нѣкоторыми католическими учеными (наприм., Ленорманомъ); если слѣдовать этой теоріи, то перво-религію нельзя представлять себѣ такъ, какъ представляютъ ее Тайлоръ и другіе, почему же князь Трубецкой не указалъ книгъ, по которымъ можно бы было познакомиться съ этой теоріей? Почему, далѣе онъ не указалъ книгъ—а таковыхъ на всѣхъ языкахъ очень много,—гдѣ первоначальную религію признается монотеистическая (последній опытъ въ этомъ направленіи

¹⁾ Къ библиографіи исторіи религій (Вопросы философіи и психологіи. 1897. Январь—Февраль).

представляетъ недавно опубликованная работа Штейде. Вев. d. Glaubens. 1896. №№ 2, 5, 6, 12)? Въ замѣнъ подобныхъ книгъ подъ рубрикою пособій по религіи первобытныхъ народовъ князь Трубецкой рекомендуетъ рефераты и книги о вѣрованіяхъ нашихъ ивородцевъ написанные лицами совсѣмъ не занимающимися изученіемъ религіи. За то работы лицъ занимавшихся таковымъ изученіемъ князь Трубецкой упорно замалчиваетъ. Мы не можемъ допустить, чтобы онъ не зналъ или не слыхалъ о книгахъ Хрисанова „о религіяхъ древняго міра“ и онъ одрако упорно молчитъ о нихъ, называя книги говорящія о религіяхъ Египта, Китая, Ассири Вавилоніи. Не служитъ ли молчаніе въ данномъ случаѣ знакомъ презрѣнія? Чѣмъ вызвано это презрѣніе? Книги Хрисанова, не смотря на то, что между ними и нами лежатъ два десятилѣтія, стоятъ неизмѣримо выше книги Мензиса, и специалистъ и нынѣ, какъ и двадцать лѣтъ назадъ, принужденъ въ значительной мѣрѣ имѣть дѣло съ изслѣдованіями тѣхъ же лицъ, съ какими имѣлъ дѣло и преосвященный Хрисановъ. Князь Трубецкой рекомендуетъ для самообразования Sacred Books of the East и затѣмъ еще изслѣдованія in folio. Мы затрудняемся понять неразуміе это или глумленіе? Безъ сомнѣнія, тѣ, которые владѣютъ тремя иностранными языками и имѣютъ средства выписывать такія дорогія изданія, какъ указываемыя Трубецкимъ „священныя книги“ безусловно не нуждаются въ его библиографіи. А тѣмъ, которые не имѣютъ денегъ и знанія языковъ, князь Трубецкой говоритъ: *procul este profani*. Къ счастью русскіе ученые не такъ суровы, какъ князь Трубецкой. Такъ по китайской религіи на русскомъ языкѣ имѣются работы, которыми во всякомъ случаѣ не побрезговаль бы и западъ, какъ брезгуетъ ими князь Трубецкой. Р. зумѣемъ изслѣдованія Георгіевскаго „первый періодъ исторіи Китая“, „принципы жизни Китая“. Имѣются у насъ и переводы капитальныхъ сочиненій (наприм., о Египтѣ Бругша). Мы думаемъ, что средній русскій читатель, предоставивъ князю Трубецкому самому знакомиться съ рекомендуемыми имъ книгами, и обратится къ этимъ изслѣдованіямъ и переводамъ.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)